

Жанна Ложникова

С уважением, Барристер
Джеймс Уолкотт

Жанна Вячеславовна Ложникова
С уважением, Барристер
Джеймс Уолкотт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42732594

SelfPub; 2019

Аннотация

Жизнь Леры далеко не сахарный сироп: муж холоден и что-то скрывает, в доме обосновались призраки, на работе заносчивые читатели и странный человек под окнами. Девушка и представить не могла, как всё это связано между собой, пока не нашла старую тетрадь. Открыла её и ... Удастся ли Лере распутать клубок хитросплетений и добраться до главной причины, нарушившей спокойное течение её жизни?

Холодно... Холодно... Серая стена дома исчерченная ветвями грубо, дерзко, невпопад, лоскуток неба истерзанный ими же; будто деревья хотели натянуть на себя последний ситец, чтобы согреться, да не поделили: разорвали на мелкие кусочки и стоят теперь обиженные друг на друга. Воробьи и синицы снуют вверх и вниз, тормоша ветки, чирикают радостно, будто желая примирить деревья между собой.

– И всё-таки холодно, – Ева захлопнула книгу, спустила ноги с подоконника, покачала ими, задумчиво разглядывая угги.

– А он? – Лера поставила толстый словарь на полку (в читальном зале было пусто).

– Стоит.

– Стоит?

– Да...

– Под той же берёзой?

– Да.

– Слушай, а кто он?

– А я знаю? Я вообще не уверена, что он живой, – Ева спрыгнула с подоконника.

– Значит это не твой поклонник?

– Пс! Тоже выдумала! Не смей меня! Ты же тут работаешь целыми днями, не я!

– Ну да...

Большой круглый будильник мерно отсчитывал секунды, в передней трещала печь.

Лера подошла к окну, замёрзшему почти наглухо, попыталась разглядеть человека, стоящего под берёзой.

– Он вообще не двигается, смотрит прямо в окно! Маньяк что ли?

– А ты выйди, узнай: чего он тут по вечерам околачивается?

– А что? И пойду, – Лера поспешно выбежала в переднюю, натянула валенки, накинула шерстяной платок.

Дверь хлопнула. Белый парок полупрозрачной змейкой заполз в читальный зал. В печи щёлкнуло полено, будто кнут пастуха. Ева бросилась к окну – пусто – ни человека, ни Леры...

2

– А, Мишка ещё не пришёл, – вздохнула Лера, увидев на двери огромный железный замок, возвещавший об отсутствии хозяина дома.

Девушка сунула руку в карман, достала увесистую связку ключей, украшенную звенящим брелоком, и принялась возиться с замком, тот не желал поддаваться, да ещё и больно обжигал руки ледяным боком. Наконец, после раздражающей возни, длившейся ни больше, ни меньше пяти минут, Лера попала в холодные сени. Смела варежкой снег с валенок и вошла в дом.

«Тоже холодно – мороз всё выстудил за день» – подума-

ла девушка и, не снимая пуховика, принялась топить печь. Поленья одно за другим отправились в чёрный выпачканный сажей и присыпанный золой зев. Чиркнула спичка, зашипел огонёк, отражаясь в вишнёвых глазах Леры. Ещё секунда и защёлкали дрова в печи, будто перекрикиваясь, зашумело, как тайфун, заточённое пламя. Стало будто теплее.

Лера вздохнула, стянула пуховик, бросила на стол связку ключей, скинула валенки и пошла, потягиваясь, в спальню. Где плюхнувшись на кровать быстро задремала.

Её очень выматывало вынужденное безделье на работе (в сельскую библиотеку редко кто заходил) да ещё этот странный тип, торчащий каждый вечер под окнами. Да, здорово он сегодня её напугал! Там, под берёзой, просто никого не оказалось! Мало того, что человека самого не было, так ещё и следов его Лера, сколько ни старалась, не смогла найти! Но ведь как-то этот человек подошёл к берёзе и ушёл потом! Не по воздуху же! Пришлось вернуться не солоно хлебавши в библиотеку, там, на пороге уже стояла взволнованная Ева в кое-как наброшенной шубке.

– Ты чего? – уставилась на неё Лера.

– Тебя потеряла!

– Да я вот она! – засмеялась Лера, забыв о странном исчезновении человека.

Потом пили чай... и... Что это? Колокольчик? Где? Откуда здесь колокольчик? Нет, это брелок. Брелок от связки ключей.

«Кто-то бегают с моей связкой ключей, – заключила сквозь сон Лера, – кто-то небольшого роста, будто ребёнок».

День! День!

«Кто-то бегают!» – Лера вжалась в кровать.

День-день, день! День-день, день!

В горле пересохло. Приоткрыла глаза – никого!

День-день, день! День-день, день! День...

Рывком села. Тишина.

«Ключи! Где ключи? – выбежала в кухню, – на месте!»

Тяжело дыша, Лера опустилась на табурет, посмотрела в мягкую синь окна:

– Темнеет... Что же я сижу! Скоро Мишка придёт, надо готовить!

3

Мишка часто стучал ложкой, фыркая и причмокивая. Лера сидела напротив, наблюдая, как муж ест.

– Чего? – посмотрел он на неё, насупившись.

– Ешь осторожней.

– Не нравится, как ем? Надо было за интеллигента замуж выходить, – опять занялся супом, низко опустив голову. – Пересолила.

– Ну, так это хорошо – люблю тебя, значит.

– Любовь твою на хлеб не намажешь.

– Что-то случилось?

– «Что-что»! Сокращают меня – вот что! – брякнул ложкой, встал, подошёл к печи, достал сигарету из пачки, чирк-

нул спичкой.

– Ну, Миша-а-а, – недовольно протянула Лера (она не любила, когда он курил в доме).

– А!..– выругался тот и вышел в сени, хлопнув дверью.

Лера вздрогнула, глубоко вздохнула и принялась убирать со стола. Мишка дымил в сенях, не включая свет. Они жили вместе уже три года. Когда расписывались, Лера была в положении, но что-то пошло не так – и ребёнка не стало. Ребёнка не стало, а жизнь продолжалась, только какая...

Лера гремела посудой, всматриваясь в своё отражение в зеркале над раковиной. Что-то пошло не так, но когда и почему?..

– Я завтра в лес с ночёвкой, – Мишка подкинул в печь полено.

– Но ведь завтра суббота.

– Я знаю. Баню сама истопишь – не маленькая, – пошнырял кочергой в печи.

– Миш, – Лера обняла его сзади за плечи, присев на корточки рядом, – ты только не расстраивайся. Всё будет хорошо. Мы ведь вместе.

Мишка задвигал желваками, кивнул, глядя на огонь, и хлопнул дверцу печи:

– Пойдём спать что ли?

4

Лера открыла глаза: Мишка сидел на кровати и тяжело дышал. Она едва смогла разглядеть во тьме черты его лица

– он был напуган.

– Ты что? Что с тобой? – она двинулась к нему и наткнулась на что-то холодное – в постели между ними явно что-то лежало.

– Ты чувствуешь? – спросил Мишка, заметив, что Лера застыла на месте. – Это кости! Тут скелет лежит!

Лера откинула одеяло – ничего. Мишка спрыгнул с кровати, щёлкнул выключателем – ничего!

Лера ещё раз прощупала то место, где якобы лежали кости, и ничего не почувствовала на этот раз.

– Ты как хочешь, а я туда не лягу, – буркнул Мишка и пошёл в кухню, там, выкурив сигарет пять, уснул, наконец, уткнувшись носом в стол, сидя на табурете. Лера задремала на самом краешке кровати, так и не погасив свет.

Утро было холодное пасмурное. В печи трещали поленья. Лера огляделась, прислушалась – Мишка уже ушёл.

– Даже не разбудил... – Лера натянула шерстяные носки и спустила ноги на пол. Потянулась и побрела к умывальнику.

Предстояла большая уборка и Лера, наскоро умывшись и поставив большой чайник на плиту, принялась менять постельное бельё.

Когда дело дошло до шкафов и шкафчиков, книжных полок и подоконников, с которых Лера тщательно сметала пыль, чайник загремел крышкой, а в сенях кто-то закричал: «Хозяйка!».

Входная дверь скрипнула, и в прихожей снова раздалось

раскатистое: «Хоз-з-зя-а-а-йка!».

Лера бросила тряпку, выглянула в прихожую:

– А, Ева!

– Ну, зову, зову – не дозовусь! Чего гостей-то не встречаешь? Убираешься.

– Конечно, суббота ведь, а ты как всегда в неурочный день, – Лера выключила плиту, убрала чайник, – ничего тебя дома не держит.

– Чему держать-то, мой-то на вахте, Ленка с Танькой у стариков, – Ева разулась и повесила шубку чёрного меха, – а ты, я гляжу, уже и чаёк заварила, ждёшь меня.

– Ещё бы, проходи.

Сели за маленький стол с овальной крышкой обтянутой клеёнкой в клеточку.

– Ну, а твой-то где? – Ева достала из пакетика печенье и окунула его в кружку с горячим чаем.

– В лесу.

– Он тебе что-нибудь из леса-то привозит?

– Грязную одежду только, – улыбнулась Лера.

Ева засмеялась, откусила половинку печенья.

– Нет, ну было один раз, рыбу привозил, другой уточку.

– Вот, хоть какая-то польза!

– Ну зачем ты так говоришь, он ведь работает.

– За семь-то тысяч! Не смехи меня! Вот мой – работает!

– Ага, работает, и шубки тебе дарит...

– Да, дарит, а тебе твой, что последний раз подарил?

– Себя, – вздохнула Лера, вспомнив, как это было давно.

– Да-а-а, оригинальный подарок, – Ева задумалась. – Слушай, а давай я тебе погадаю!

– Зачем?

– Как зачем? Как зачем?! А вдруг что интересненькое выпадет! Есть у тебя карты?

– Какие?

– Ну, Леруся, ну не смей меня!

– Нет, нету...

– Вы что со своим в «дурачка» не играете?

– Играем, только без карт: когда он меня дурачит, когда я его, – улыбнулась Лера.

Ева засмеялась, широко раскрыв рот и всплеснув тонкими кистями. Но подруга вдруг шикнула на неё.

– Ты чего?

– Тс, слышишь, кто-то идёт, – прошептала побелевшая вдруг Лера.

Действительно в прихожей кто-то громко топал сапогами.

– Мужчина будто, – выдохнула Ева.

– Сюда идёт!..

Шаги раздались на кухне, но никого не было видно, у девушек мурашки пробежали по коже. Кто-то невидимый остановился у печи – печь была старая русская, так что на ней можно было и лежать. Потянуло табаком.

– Точно, мужик, – шепнула Ева подруге в самое ухо, та вздрогнула и, вцепившись в руку Евы, повлекла последнюю

в другую комнату. Там, отдышавшись, присев на кровать, не выпуская руки подруги, Лера рассказала о странностях, происходивших вчера, едва возвышая голос до полусшёпота.

– Я боюсь здесь оставаться одна, может, ты останешься ночевать у меня сегодня, – взмолилась она, – твой же всё равно на вахте, а?

– Э, не, подруга, ты что, – Ева пыталась освободить руку, – я тут поседею с тобой от страха, не-не-не, сама как-нибудь!..

– Ты эгоистка, – заключила Лера, с опаской оглядываясь на дверной проём кухни и выпуская руку подруги.

– Ну ладно, ну не обижайся, – Ева присела рядом и обняла подругу за плечи. – Ты не думала, может это знак какой? Кто до вас в этом доме жил?

– Ну откуда ж мне знать-то! Вот он лежит там, на печи, развалился и покуривает – мне оно надо такое чудо, а? – Лера чуть не плакала.

– Хорошо хоть не душит, – перекрестилась Ева.

– Угу...

– Ну хочешь, давай у меня переночуешь, мои всё равно у бабушки.

– Правда?

– А то! Заодно и у меня подберёмся – вместе-то оно веселее! Давай, собирайся!

– А у меня?

– Так ты пыль протёрла?

– Ну...

– Постель поменяла?

– Ну да, но...

– Ну так что ещё? Кто тебе грязнил-то тут? Это у меня табор – я понимаю, а у тебя, – Ева махнула рукой. – Давай, собирайся.

5

Темно. Чёрный, липкий воздух теснился в охотничьей избушке как в воздушном шаре. Мишка достал зажигалку – пламя осветило его лицо, руку; нашёл свечу на небольшом грубо тёсаном почерневшем от времени столе, сел на лавку. Было тихо, тихо и холодно, по бревенчатым стенам плясали блики, и Мишкина тень то дорастала до низенького потолка, то падала ниц.

Немного помедлив, будто прислушиваясь, Мишка достал из внутреннего кармана куртки узкий конверт, надписанный машинописным шрифтом, рассмотрел внимательно ничего не говорящие о личности писавшего печатные буквы, убедился, что письмо действительно адресовано ему.

Свеча щёлкнула – Мишка вздрогнул и вскрыл конверт. На плотном желтоватом листе ровно и правильно, строчка за строчкой, всё тем же шрифтом красовались печатные буквы, вот только что-то было не так – за этой бездушной правильностью скрывались ломаные выражения, пропущенные буквы, перевёрнутые фразы, будто писал иностранец, плохо владеющий русским.

Мишка усмехнулся: никто никогда не писал, а тут, на те-

бе, письмо от иностранца, и не откуда-нибудь – из Испании! Кто там о нём вспомнил в этой Испании? Да и кому было вспоминать?

Свеча снова щёлкнула, напоминая о близости конца. Пламя вытянулось – стало светлее. Мишка принялся читать. Письмо было от некоего Джеймса Уолкотта, адвоката Майкла Лупикова погибшего в автокатастрофе вместе с женой и ребёнком. Он писал, что связался с Мишкой по вопросу родства с покойным его клиентом, так как тот оставил после себя наследство «которая представляет собой сумму ценится € 7.500.000.00 (7500000 евро)». Мишка несколько раз пробежал эту строчку глазами. Джеймс уверял, что при благоприятном исходе дел эта сумма будет переведена на Мишкин счёт в любом банке России «на пользу нам обоим» и просил отправить ответ как можно скорее по электронной почте.

Мишка ещё раз внимательно прочитал письмо, насупился, сложил его в конверт, достал сигарету; снова вспыхнул огонёк зажигалки, и парень запыхтел, выпуская клубы дыма, глядявываясь в основу пламени пожирающего свечу.

6

Ещё издали Мишка заметил жену, сидящую на завалинке, в доме горел свет.

– Ты чего? – спросил он Леру, глядявываясь сквозь пелену сумерек в её черты.

– Тебя жду...

– Почему здесь?

Она опустила глаза.

– А что, у нас гости? – Мишка махнул на окно, в котором сквозь цветную штору явно вырисовывался силуэт мужчины, спокойно передвигавшегося по дому.

Лера вскочила и прижалась к мужу с ужасом глядя на окна:

– Там никого-никого нет!

– Успокойся, – Мишка обнял её и только теперь заметил, что она едва одета, – Да ты околеешь! А ну пойдём домой, – подхватил её на руки.

– Нет, там он, призрак! – она засучила ногами.

– А плевать я на него хотел, – буркнул Мишка уже в сенях.

В доме действительно никого не было, но пахло так, будто курило человек десять весь день.

– Даже мне в доме курить нельзя! – заворчал Мишка, открывая форточки.

– Миша...

– Чего?

– Ты меня на пол поставь, глядишь, тебе сподручней будет.

– А? А мне и не тяжело. Своя ноша она, знаешь...

– Знаю-знаю, – улыбнулась Лера. – А я вчера у Евки ночевала.

– Это почему?

– Ну ты меня одну-то оставил, а этот самый пришёл, улёгся на печи и выкурил...

– Выкурил, значит, – Мишка аккуратно опустил жену на кровать, снял с её маленьких ножек валенки, – валенки-то на босу ногу надела, – покачал головой, спрятал Леркины стопы в ладонях.

– Миша, ты чего? Он же здесь...

– А? Кто он?

– Ну этот самый...

Мишка оглянулся:

– А, этот самый, ну так мы его сейчас выкурим, наша очередь теперь, – и он коснулся кончиком носа её колена.

7

Кто-то кашлянул над головой Леры, положил тонкий белый лист перед ней на стол, слегка постучав указательным пальцем сверху:

– Милочка, будьте добры, прекратите мечтать и займитесь работой, проверьте по списку, пожалуйста, есть ли в наличии эти книги и сколько.

Лера подняла глаза – мужчина лет тридцати буравил её взглядом, и когда только успел войти! Он преподавал русский и литературу в школе и был частым гостем библиотеки в начале и в конце недели.

Пока Лера бегала от стеллажа к стеллажу, учитель отошёл к окну:

– Нет ничего притягательнее и пленительнее библиотеки. Особенно, если окна её выходят в парк. Особенно если напротив одного из них растут три сросшихся между собой

толстыми идеально-цилиндрическими стволами берёзы, – вздохнул. – Как же приятно иногда сесть напротив этого окна, открыть книгу и читать или конспектировать что-нибудь, отрывая время от времени взгляд от бумаги, чтобы воззриться на эти три идеальных ствола, на растущие рядом с ними сосёнки и лиственки, на бегущую у корней их тропинку, на снующих среди травы воробьёв.

Лера застыла на месте глядя на учителя большими глазами, не понимая, чем обусловлено его сегодняшнее красноречие, а он смотрел куда-то вдаль сквозь тюль и говорил, будто сам с собой.

– Казалось бы, ничего особенного нет. Но, скажите мне, где ещё можно посидеть в полной тишине взирая на все эти прелести, тем более что из этого самого окна они кажутся такими значительными и упоительно замечательными, что способствует пробуждению духа философа даже в самом отвлечённом сознании.

– Простите, я прерву вас...

– Вы не можете меня прервать – я уже закончил. Оттепель, знаете ли, она во всём виновата. А вы?

– Я?

– Что вы видите за этим окном?

– Я, – Лера осторожно подошла к окну, боясь увидеть то же, что и всегда – странного человека – и её страхи оправдались. – Я вижу человека.

– Человека?

– Да, а вы его не видите?

Учитель фыркнул:

– Милочка, вы проверили списки?

– Д-да.

– Ну так давайте их сюда, я жду. Кстати, – он внимательно посмотрел на неё, – прекращайте мечтать на рабочем месте, иначе неизвестно куда заведут вас эти «заоблачные дали».

Сказав это, учитель кивнул, натянул кожаные чёрные перчатки и вышел весьма довольный собой, слегка постукивая указательным пальцем по солидной толстой папке из дорогой кожи.

Лера бросилась к окну – мужчина прошёл мимо человека стоящего под берёзой, даже не взглянул на него, даже бровью не повёл, будто того и не существовало вовсе! Хотя это и не удивительно: учитель был личностью весьма своеобразной и редко кого вообще замечал. Да и этот человек тоже хорош – как уставился в окна, так и смотрел, даже не моргнул ни разу, ни кивнул!

«Интересно, он меня видит вообще?» – Лера попробовала махнуть сначала неуверенно куце, потом смелее, но от человека никакой реакции не последовало, он лишь смотрел на неё большими чёрными глазами без зрачков, не двигая ни одним мускулом.

«Это безумие какое-то!» – воскликнула Лера и, схватив пуховик, выбежала на улицу. Солнце ослепило её, птицы, снующие то там, то тут, оглушили, воздух приятно обжёт

свежестью.

«Оттепель!» – подумала она, посмотрев в небо, которое держали на своих зыбких ветвях берёзы. А вокруг не было ни души. Во всём парке не было ни души; и снег белый, ещё не потревоженный весной, дышал свободно своим сиянием.

«Оттепель!» – она посмотрела туда, где стоял человек, но его там не было, не было и следов, оставленных им, ничего, что говорило бы о его пребывании...

8

«Дорогой друг,

Просьба проверьте прилагаемый почту для более подробной информации, прежде чем мы приступим.

Всего хорошего

Джеймс Уолкотт».

Мишка облизнул губы, оглянулся: в доме было тихо, Лера давно спала (сегодня обошлось без тревожений). Щёлкнул «скачать документ», подождал немного, кликнул «открыть».

Это было второе письмо от Джеймса. На то, первое, Мишка ответил, мол, не знает точно, но после Великой отечественной войны прадед уехал в Испанию, где, возможно, мог создать другую семью.

«Ну да, с теоретической точки зрения, мог, очень даже мог, чем лысый не шутит!» – подумал Мишка, почесал за-

тылок и принялся читать второе уже электронное письмо от Джеймса.

«Дорогой друг, – писал Уолкотт, – Я приветствую ваш быстрый ответ на мое предложение, это доказывает, что ты персонал высококвалифицированный бизнес и права человека для обработки этой сделки со мной».

Далее следовал список «правил и положений», которые «должны не нарушены или нарушили какой-либо стороной»:

1. Мы не должны раскрывать этот бизнес-решения для любой орган, организация или орган.

2. Эта транзакция должна оставаться сделки между вами и я.

3. Мы не связаны с какой-либо третьей стороной или раскрывать любую информацию, относящиеся к этот бизнес для любого одного лица друзей или родственник, чтобы избежать бровей и отметить успех этой сделки легальный бизнес.

4. Мы должны работать вместе как одной крови и одна семья добиться успеха в этом бизнесе.

Я с сожалением сообщаю Вам о моей жены плохого состояния здоровья».

Джеймс писал, что жене его необходимо дорогостоящее лечение, именно поэтому он заинтересован в благоприятном разрешении этого дела. «Пожалуйста, мне нужна уверенность, что вы не подведи меня или обмануть это доверие в будущем».

– С какого он решил, что я родственник этого Майкла?

«...ответ на такой вопрос является просто то, что поздно Майкл, не существует относительно требовать его баланс банка, после распада его смерти в 2007 году все усилия, чтобы найти его расширенной относительной и членами семьи через их консульство и иностранных дел министерства, где все напрасно.

Сберегательные счета больше не может существовать более чем четырех лет в банках Испании, после более чем двух лет Сейф будет находиться под спящие хранилище, затем после около четырех лет учетной записи должен быть закрыт как не востребовавшийся если владельца или родственники бенефициара счета не требовать фонд слева.

Я получать ультиматум только 21 (двадцать одно) рабочих дней как умершего адвоката представить умершего наследника или имеют счета закрыты как не востребовавшийся, еще один вопрос, когда эта учетная запись закрывается как не востребовавшийся, что происходит с деньгами или сокровище, ответ заключается в следующем, 70% от общей суммы переходит в правительства Казначейский счет на вершине правительство банка, в то время как 30% от этого фонда распределяется между Советом управляющих Банка. Вы согласитесь со мной, что оставляя этот фонд исчезнуть просто в Ветер бессмысленно, когда у меня есть все удобства, необходимые для претензии этот фонд через вашу помощь. Вы должны стоять как ближайших родственников покойного, поскольку у вас есть же фамилию с ним, это все мне нуж-

но, потому что у меня все документы и информацию, необходимую для сделать это случиться».

Далее Джеймс уверял, что никаких неприятных последствий это дело иметь не будет ни для Мишки, ни для него самого, ибо он не может позволить себе навредить своей семье, а также запятнать свою с таким трудом заработанную репутацию «юридического светила».

«Я посылаю Вам отсканированную копию моего паспорта и некоторые из моих фотографий для создания доверия между нами, и я хочу вас прислать мне ваш паспорт для надлежащей идентификации в ваш следующий ответ, прежде чем мы приступим.

Получите обратно ко мне так, что мы можем продолжать. Вы также можете позвонить мне на мой номер, который я представил вам в моем первом письме.

С уважением,

Барристер Джеймс Уолкотт».

– Ага, как же, позвоню я тебе, – усмехнулся Мишка, разглядывая фотографии, на которых полный мужчина крепко обнимал жену и дочь. Фото было штук десять. Вот Уолкотт на чьей-то свадьбе; вот в саду держит цветущую ветку яблони или груши, или что там у них растёт в садах? Многие фотографии Мишка даже и смотреть не стал, а вот паспорт и другие документы Джеймса просмотрел внимательно, очень внимательно, но ничего подозрительного не нашёл – документы как документы. Вздыхнул, крикнул, нашел на пе-

чи освещённой неверным светом монитора сигареты, зажигалку и вышел. Остановился на крыльце, пахло свежестью, посмотрел вверх: звёзды острыми осколками царапали чёрный шёлк неба.

– Оттепель... – прищурился затягиваясь.

9

Тонкие длинные пальцы бегали по клавиатуре, набирая текст. Внезапно на мониторе выскочил флажок, возвещающий о новом письме. Человек кликнул, письмо открылось.

«Здравствуйте, Джеймс Уолкотт!

Получил Ваше письмо. Дело, которое Вы предлагаете, очень рискованное. Я сомневаюсь, что оно может закончиться хорошо для меня и моей семьи.

С уважением, Михаил».

Губы растянулись в хищной улыбке. Несколько раз кликнув левой кнопкой «мыши», «Уолкотт» принялся писать ответ. Печатал он на английском языке, после, когда закончил письмо, перевёл на русский с помощью электронного переводчика, получилось следующее:

«Уважаемые Михаил,

Спасибо за ваш ответ и вопрос.

Что я хочу вас сделать это для вас позволить мне представить вам в банк в качестве ближайших родственников для моего покойного клиента с тем, чтобы они быстро утвердить и передать всего наследование фонд в свой назначенный банковский счет в вашей стране в кратчайшие возможные сроки

ки.

Не беспокоиться о том, как я собираюсь доказать родство с моего покойного клиента, потому что я лично доказать Ваше родство с ним закупуяющими все юридические документы от высокий суд Мадрида, здесь в Испании, который будет использоваться для доказать Ваше родство. Эти сертификаты будут нести подписей, штампов и печать высокого суда, и как только мы представляем их в банк, они будут немедленно утвердить и передать вам фонд без дальнейшего промедления.

Я не знаю вас и вы не знаете меня, но я верю что судьба собрал нас вместе, и я также заверить вас, что я не разочарует вас. Я клянусь с моей жизни и жизни моей семьи и моей больной жены, чтобы гарантировать вам моей честности. Я хочу быть честным с меня, как хорошо. Эта сделка предполагает огромное количество денег, так что я хочу вас положить ваши максимальная серьезность и держать его высоко конфиденциальной, пока фонд наконец переведен на ваш назначенный банковский счет в вашей стране ОК?

Прилагается заявление банки счета моего покойного клиента, чтобы доказать вам, что Фонд действительно доступен в банке здесь, в моей стране.

Если вы будете следовать моим консультировать строго говоря, эта транзакция не будет длиться более двух недель и Фонд будет выпущен к вам. Я буду обратно вас юридически с все необходимые юридические документы, так что я не хочу

вас развлечь любого атом страха в этой транзакции на всех.

На этой ноте я хочу вам быстро идти вперед, чтобы отправить мне, ваши данные заключаются в следующем;

ПОЛНЫЕ ИМЕНА –
СТРАНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ –
ПРОФЕССИЯ –
ТЕКУЩИЙ ВОЗРАСТ –
ДОМАШНИЙ АДРЕС –
АДРЕС ОФИСА –
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ –
ТЕЛЕФОН / ФАКС –

Как только вы пошлете мне эти детали, я буду немедленно готовить вы претензии письмо, который вы должны будете отправить в банк сразу же по их официальный адрес электронной почты, поэтому эта транзакция начнется официально.

Спасибо за ваше понимание и сотрудничество в заранее и может Бог продолжать благословлять вас, как вы держите молиться для моей жены.

Всего хорошего
Барристер Уолкотт».

Немного помедлив, «Уолкотт» прикрепил к письму файл с выпиской счета покойного Майкла и кликнул «отправить». Письмо ушло. «Джеймс Барристер Уолкотт» откинулся в

кресле, рука свесилась с подлокотника, чёрная кошка мурлыкнув поднялась и ткнулась влажным носиком в ладонь, та дрогнула и опустилась на гладкую спинку.

10

– Эгей, Лерусик, привет! Ты тут ещё не скисла, – Ева бухнула пузатый пакет-майку на стол перед самым носом подружки.

– А ты, я смотрю, уже отработала.

– Ну. Я чего пришла-то, – Ева прислонилась к подоконнику, – видела недавно передачу про параллельные миры всякие, так вот там про одну молодую пару было, жизнь у них что-то разладилась, ну ссорились они постоянно, так домовой им такое устроил! Пугал их, в общем, а как только у них всё наладилось, перестал это делать. Так вот им сказали, что домовой их так мирил, сплотить семью пытался. И самое интересное-то – ему это удалось! Так вот, нет худа без добра. Может и вашему домовому-то не нравится, что вы так живёте?

– Ты серьёзно? – Лера встала, подошла к окну.

– Ну, вишь, как бывает, оказывается.

– У нас с Мишкой вроде тьфу-тьфу-тьфу, – Лера плюнула через плечо, – всё наладилось.

– Да ты что!

– Ну. И этот не приходил больше вроде... после того, как мы его того, ну, выкурили, – едва слышно произнесла Лера.

– Выкурили?

– Ну да.

– Это как же вы его выкурили-то?

– Ну как-как? – разругалась Лера. – Что, не знаешь как?

– А-а-а, кажется, догадываюсь... – захихикала Ева. – Ну, поздравляю, подруженька с успешным завершением дела «о домовёнке Кузе»! А этот, она кивнула на окно, всё стоит?

– Угу.

– Вот что надо человеку?! – возмутилась Ева.

– Да это не человек, по-моему...

– Не смей меня! Конечно, человек!

– А ты его видела, когда сюда шла?

– Я?

– Ты.

– Я внимания не обратила.

– А может, всё-таки не видела?

– А давай проверим. И сразу поймём человек это, или нет.

– Как?

– Как? А вот так: я пойду мимо берёзы, и, если он будет там, дам знак тебе, что вижу его; а ты мне маякнёшь, видишь ли его ты, о'кейси?

Лера кивнула.

Ева выскочила из библиотеки, хлопнув дверью. Лера уставилась в окно, за которым как всегда стоял странный человек.

Вот Ева остановилась напротив окна и отрицательно за-

мотала головой, мол, нету никого. А Лера кивнула, ткнув пальцем по направлению берёзы. Ева оглянулась, оборотила круглые глаза на подругу и снова отрицательно замотала головой, потом подпрыгнула на месте и бросилась обратно в библиотеку.

– Ты что, реально его видишь?! – воскликнула она, едва переступив порог.

– Посмотри сама, – Лера указала на окно, – вот он стоит и пялится.

Ева подошла к окну:

– Точно, стоит и пялится, ни стыда, ни совести!

– А знаешь, я его уже не боюсь, ну стоит себе и пусть стоит, смотрит и пусть смотрит.

– Ну да, он безобиднее твоего домового, – задумчиво вздохнула Ева. – А, я тебе тут книги принесла, в кладовке завалились, вроде бы целенькие, ты разбери, – указала на пакет-майку.

– Ладно, разберу.

– Ну давай, сиди, маринуйся дальше, пошла я.

– Ну-ну, пока, – Лера заглянула в пакет, книги действительно были в хорошем состоянии и не плохие в основном классика.

А это что? В одной из книг лежала тонкая тетрадь, желтея потёртой обложкой. Школьное сочинение?

Лера, пропустив титульный лист, принялась читать:

«Нет ничего притягательнее и пленительнее библиотеки.

Особенно, если окна её выходят в парк. Особенно если напротив одного из них растут три сросшихся между собой толстыми идеально-цилиндрическими стволами берёзы...»

Что-то знакомое...

«Как же приятно иногда сесть напротив этого окна, открыть книгу и читать или конспектировать что-нибудь, отрывая время от времени взгляд от бумаги, чтобы воззряться на эти три идеальных ствола, на растущие рядом с ними сосёнки и лиственки, на бегущую у корней их тропинку, на снующих среди травы воробьёв...»

Очень знакомое...

«Казалось бы, ничего особенного нет. Но, скажите мне, где ещё можно посидеть в полной тишине взирая на все эти прелести...»

Не может быть!!!

Лера захлопнула тетрадь и наткнулась на имя писавшего: Эрик Тамасо, рассказ «Тайна старой библиотеки».

«Фамилия какая-то странная, – подумала Лера, – иностранец что ли? А этот заучил всё наизусть?!»

Девушка оторвала взгляд от рукописи – человек с чёрными глазами без зрачков и маскообразным лицом стоял перед ней! Она вскочила, стул громко брякнул деревянным боком, крик застрял в горле, готовый его разорвать.

Человек протянул руку, указывая на рукопись тонким узловатым пальцем и улыбнулся, раскрыв рот широким пустым прямоугольником...

Очнулась Лера на полу, крепко сжимая рукопись, рядом валялся тяжёлый деревянный стул, стрелки на большом круглом будильнике показывали семь. Рабочий день уже закончился, пора было идти домой.

11

Задержавшись немного в сенях, Лера вошла в дом.

– Наконец то, – пробурчал Мишка, не отрываясь от монитора ноутбука. – Я уже хотел за тобой идти.

– Чего же не пошёл? – едва слышно спросила Лера.

Мишка оглянулся:

– Ты чего? Заболела?

– Я? Нет, – она опустилась на шаткий табурет, положила ладони на стол.

Мишка подошёл к ней, заглянул в глаза:

– Чаю хочешь?

– Нет.

– А может картошечки жареной? Я пожарил, тебя не дождался, поел.

– Молодец, – взглянула на него, наконец, Лера.

– Да ты ни жива ни мертва! Может, всё-таки расскажешь, что случилось? – он сел напротив, подперев подбородок кулаком.

Лера вздохнула и немного помедлив, достала из сумочки рукопись и положила на середину стола.

Мишка взял тетрадь, посмотрел на титульный лист и удивлённо воззрился на жену:

– Где ты это нашла?

– Да Евка принесла книги, в кладовке лежали, вот там она была.

– Ну Евка, это ж десять лет прошло, как не больше, а она сохранила!

– Что?

– Ну, мы же с Евкой учились вместе...

– Это я знаю. Кто такой Эрик?

– Эрик? Наш одноклассник, его рассказы у нас по школе ходили только так, кто переписывал, кому он сам дарил. Этот вот он мне подарил, а Евка почитать выпросила, ну вот до сих пор читала, – Мишка благоговейно прикрыл глаза и зашелестел страницами.

– А почему фамилия у него такая странная? Иностранец?

– Не-е, это не фамилия, это кличка его. Он однажды, это самое, ну, буквы переставил местами, ну оговорился, хотел сказать сама то, а получилось – тама со, ну вот и прилипла к нему эта «тамасо», он её псевдонимом своим потом сделал.

– М-м, – Лера поднялась, налила себе чаю. – И куда же он делся потом, этот ваш Тамасо?

– Пропал.

– А?

– Без вести. С собаками искали, всю округу прочесали, не нашли... Послушай, ты опять побледнела, давай-ка картошечки, – он бросился накрывать на стол.

– Постой, – она взяла его за руку, – обними меня...

– Да чего ты сегодня сама не своя! – он крепко прижал её к груди.

Лера вдруг расплакалась и рассказала ему всё: и о странном человеке с пустыми глазницами, и об учителе, и о совпадениях. Мишка гладил её большой ладонью по мягким блестящим волосам и думал о чём то, уставившись в пол. Потом нежно собрал губами слезинки с ресниц.

– Ты не бойся этого учителя, он немного того, но безобидный, он ещё нас с Евкой учил. Рассказ Эрика, он тоже мог знать, у него наверняка есть целая коллекция этих рассказов. То, что он его цитировал – совпадение и всё тут. Ну а призрак... что-нибудь придумаем...

12

Лера открыла глаза. Всё вокруг было чёрно-белым, и казалось, будто комнату и всё что в ней есть, обволокло чем-то мягким пушистым, что стёрло, смягчило все грани и углы.

Мишка громко сопел закинув на жену ногу и подмяв её под себя, так что она едва могла пошевелиться.

«Странно, – подумала Лера, – что произошло с ним, почему он так резко переменялся?»

Таким нежным заботливым как сейчас он был до и недели две после свадьбы. Потом Лера потеряла ребёнка и мужа как подменили: постоянное недовольство работой, жизнью, зарплатой.

«Теперь его вообще сокращают, а он и в ус не дует! Рад, что ли?»

– Ты чего не спишь? – пробубнил Мишка, глядя на жену сквозь сонный прищур.

– Ты давно меня вот так не обнимал, ну и всё такое...

– Давно?

– Давно... мы только злились и ругались, ты был недоволен жизнью... а сейчас-то что изменилось? Тебя же сокращают...

– Так в мае же.

– Ну и что. С чего ты такой добрый-то?

– А с того, что скоро всё изменится, – сладко потянулся он.

– Изменится?

– Вот увидишь уже скоро-скоро...

– Ну-ну, – недоверчиво покосилась на него, зевнула, – на работу скоро, давай завтракать.

– Угу, – он повернулся на другой бок, – ты иди, я попозже.

– Эх ты, лентяй, на попе-то сидючи ничего не изменится, никакие серы-перы за тебя ничего не сделают, – махнула на него рукой Лера.

– Сделают-сделают, вот увидишь, – промурлыкал под одеялом Мишка.

На днях он получил ответ от Джеймса, которому отправил свои данные, как тот и просил:

«Уважаемые Михаил,

Благодарю вас так много для отправки мне запрошенную информацию, и я очень извиняюсь за моего покойного ответ.

Я был очень занят тем обеспечить законным основанием для исполнения этой сделки.

Я так ценю вашу готовность в оказании помощи мне в этой сделке. Так много я полюбил бы позвонить вам, чтобы мы можем обсудить по телефону, а также для меня, чтобы дать вам инструкции по телефону о том, что делать, но я не понимаю русский и я также не хочу привлечь любого переводчика, учитывая тот факт, что я хочу этой сделки храниться высокой конфиденциальной между нас обоих.

В самом деле я взял вас как брата кровь, и почему я обращаюсь к вам как брат. Вам не придется развлекать любого атом страха в этой сделке, потому что я всегда буду обратно юридически. Все, что вам нужно сделать, это следовать мои советы и инструкции строго, чтобы позволить нам добиться успеха в этой сделке.

Я клянусь моей жизни и жизни моей семьи заверить вас успех этой транзакции. Теперь следующая вещь для вас сделать это для вас, чтобы идти вперед, направить прилагаемое письмо претензии (приложения письмо) в банк вместе с отсканированную копию вашего паспорта изображение или ID через их адрес электронной почты: (caixa.remittance@financier.com) и после отправки его, также написать в банк и сообщите им, что вы хотите ваше письмо претензии (приложения письмо) следует рассматривать как срочный вопрос, так что они не будут иметь каких-либо причин для задержки этой транзакции ОК?

Теперь все, что вам нужно сделать, это следовать мой совет строго, чтобы позволить нам получить эта транзакция завершена в кратчайшие сроки.

Не стесняйтесь, дайте мне знать, как только вы отправить письмо-заявку требование к банку и также услышать от них, чтобы позволить мне дать вам лучшее из моих советов в этот конкретный момент времени.

Ваш брат.

Барристер Джеймс Уолкотт».

Дело оставалось за малым, так думал Мишка, чему был несказанно рад.

13

Лера оторвала взгляд от рукописи, часто заморгала и только теперь заметила, что над ней навис учитель русского языка.

– Мечтаем, милочка, – оскалился он.

– Нет-нет, извините, – засуетилась Лера, отложив рукопись.

– Выдайте мне эти книги, пожалуйста, – он положил список на её стол.

– Хорошо, – Лера взяла список и удалилась к стеллажам.

– По нет, – крикнула она минут через пять, ожидая шквал возмущений и раздражения, но учитель молчал. Лера оглянулась: он внимательно читал оставленную ею на столе рукопись.

Девушка подошла ближе и спросила, предварительно кашлянув:

– Вам знаком этот рассказ?

Учитель вздрогнул, отбросил рукопись:

– Нет, он мне не знаком.

– Но как же так? – Лера положила стопку отобранных книг на стол. – Вы же цитировали его совсем недавно, вот, стоя на этом месте! – она указала носком туфельки на место у окна.

– Я? Цитировал? Вы ошибаетесь, милочка, я ничего вам не цитировал!

– Ну, допустим. А автор, – не сдавалась Лера, – ну автора-то вы хотя бы знаете? Эрик – он же местный вы его наверняка учили!

– Учил, не учил – у меня их, знаете, сколько было!

– Но он же писал рассказы, хорошие рассказы! Он должен был вам запомниться, это же по вашей части!

– Послушайте, милочка, – зло оборвал её учитель, – хватит болтать, займитесь работой!

Лера повиновалась. Мужчина бормотал что-то, постукивая пальцами по крышке стола, потом размашисто черкнул в формуляре ручкой с жирной синей пастой, собрал в охапку книги и, отрезав: «до свидания», ушёл прочь.

Лера вздохнула, провела ладонью по крышке стола, пытаюсь нащупать жёлтую тетрадь – ничего... тетрадь пропала... бросилась было догонять учителя, да где там – его уже и след простыл!

Мишка плёлся на работу без желания, без настроения, да и какое может быть настроение, когда точно знаешь, что уже не нужен и скоро сократят!

– Здравствуй, Миша! – навстречу шла Ева румяная в ярком платке и песцовой шубке. – На работу идёшь?

– Ну, – кивнул Мишка, любуясь – вот она какая стала! Удачно замуж вышла. Но ничего, вот он, Мишка, получит наследство и докажет, что тоже может обеспечивать семью не хуже! Тогда она поймёт, тогда пожалеет!

– Ты чего, – они поравнялись, – глазки-то не сломай! – засмеялась Ева.

– Да ну тебя, – махнул он рукой, а она всё смеялась заливисто, звонко, как тогда под лестницей.

Школьная лестница, обычная бетонная лестница, ведущая на второй этаж. Под неё-то они и спрятались, тяжело дыша, с пылающими лицами, не заметив Тамасо. Тот как всегда сидел на полу, прислонившись спиной к стене, с неизменной тетрадью в руках и что-то записывал, спрятавшись ото всех в полутёмном закутке, уйдя в свой загадочный мир.

– Евка... Евка..., – шептал Мишка, пытаясь поцеловать девушку в губы, осязая все её прелести.

– Да Мишка, ты, что дурак, что ли! Вдруг увидят! – Ева с силой оттолкнула Мишку, тот споткнулся о ноги Эрика, бухнулся на пол и громко выругался.

– Извини, – Эрик бросился его поднимать.

– Тебе чё, Тамасо, жить надоело?! – Мишка ударил кулаком в пол. – Чего тут расселся?!

Ева засмеялась:

– Ладно, разбирайтесь тут сами, мальчики, – подмигнула Эрику: – Желаю удачи Тамасо!

Тот кивнул, посмотрел на Мишку, который сидел чернее тучи:

– Не сердись, друг.

– Да забудь, – махнул рукой Мишка. – Что пишешь?

– Как всегда. Закончу, тебе первому подарю.

– Ну-ну, – Мишка взъерошил мягкие волосы на макушке парня, поднялся и пошёл прочь.

Тогда, если бы ни этот Тамасо, если бы ни он...

– Ладно, привет жёнушке передавай, – крикнула Ева, уже оглядываясь. Мишка и не заметил, как они разминулись.

– Угу, – он остановился и долго смотрел ей вслед.

Хотя, благодаря Тамасо случилось нечто более значительное. Эрик сдержал слово: подарил Мишке свой новый рассказ в тетради с желтой мелованной обложкой. Тот был на седьмом небе от счастья, шёл по коридору, листая странички исписанные мелким почерком.

– Что это у тебя? – Ева повисла у Мишки на плече.

– Рассказ Тамасо, – гордо кивнув, ответил Мишка.

– Дай почитать! Ну да-а-ай!

– А давай вместе читаем?

– Вместе? – она лукаво посмотрела на него.

– Ну да, после уроков, – он будто не заметил её взгляда.

– Ладно...

Они читали сидя на Мишкиной куртке под той самой лестницей, ведущей на второй этаж. Тогда-то Мишка и пропал: заплутал в её струящихся волосах, утонул в золотистых глазах, завяз в бархатном голосе.

Ева читала вслух, он смотрел на её профиль и понимал, что жаждет, да, именно жаждет, защищать эту девушку, быть с ней рядом, слышать и видеть её. А она лишь изредка поглядывала на него, отрываясь от тетради, и улыбалась.

Потом, после окончания школы, Мишка ушёл служить в армию, а когда вернулся, Ева уже была замужем за Адамовым, который, по её мнению, мог обеспечить семью «лучше некоторых», да и любил он её, как ей казалось, крепче.

Мишка долго мучился, в конце концов, обозлился и решил жениться на приезжей библиотечарше. Полгода за ней ухаживал, а когда сыграли свадьбу гоголем ходил мимо окон Евки под ручку с молодой женой, а ей хоть бы что – смеётся залиvisto, здороваётся, да ещё и Лерку в подружки взяла, а та рада ни на рада!

Оставалась последняя надежда – родить сына!

«У Евки две дочки, а у нас сын будет!» – думал Мишка, поглядывая на животик жены. Но та по слабости своей, или ещё почему, не смогла выносить сына.

С работой тоже не вышло – зарплата с гулькин нос оказалась (где же на семь тысяч жену нарядишь?!), а потом и во-

все сократили.

– Ну ничего, козырь ещё есть, – сплюнул Мишка, развернулся и пошёл куда шёл по проторенной дорожке.

15

«Уважаемый Джеймс!

Отправил письмо в банк, ответа пока не было.

С уважением, Михаил»

«Уважаемые Михаил мой брат,

Спасибо так много для вашей почты и для вашей информации.

Мой дорогой брат, я очень рад, что вы отправили письмо претензию в банк так же, как я посоветовал вам сделать и так много, я считаю, что они будут получать обратно к вам наиболее скоро, скоро потому, что я работаю очень трудно получить необходимые юридические документы, которые будут использоваться для доказать родство с моего покойного клиента для включения банка быстро обрабатывать и передачи всего наследование фонд в свой назначенный банковский счет в Ваша страна в кратчайшие возможные сроки.

Не стесняйтесь держать меня в курсе, как только вы слышите от банка, так что я буду давать вам лучшее из моих консультировать в этот конкретный момент времени.

Спасибо за понимание и сотрудничество в заранее и может Бог продолжать благословлять вас, как вы держите мо-

литься для моей жены.

Всего хорошего

Барристер Уолкотт».

16

– Эрик... Эрик... парень как парень... смазливый был очень, – Ева постукивала ложечкой по краю чашки, – правда необщительный: спрячется в укромном местечке, бывало, и строчит свои рассказы, – улыбнулась, поправила занавеску. – Твой-то что, опять в лесу?

– Нет, – махнула рукой Лера, – он сегодня в ночь.

– М...

– Так что с Эриком-то, расскажи.

– Чего рассказывать? Говорю же, необщительный был, скучный, даром что смазливый! С Мишкой твоим они вроде друзья были. А ещё вокруг Анастаски он всё крутился...

– Анастаски?

– Ну Анастас Александрович же!

– Учитель русского?!

– Ну, он самый, мы его все за глаза Анастаска звали. Тамасо всё ему свои рассказы таскал на оценку – уж очень важно, видно, было ему мнение этого Анастаски.

– Подожди, как же так! Он ведь сказал, что не знает Эрика и рассказов его не помнит!

– Ну вполне возможно, а почему нет? Это ж для Тамасо он был важен, а Тамасо ему был параллелен.

– Вот как, – Лера зачерпнула ложкой малинового варе-

нья, – но тогда зачем он забрал тетрадь?

– Случайно, – приподняла бровь Ева.

– Возможно, – Лера опустила ложку варенья в чашку с чаем. – Знаешь, а он исчез.

– Кто?

– Тот человек странный, его больше нет под берёзой после того как...

– Бр-р-р-р, – передёрнула плечами Ева, – не напоминай! Ужас, как ты это пережила! Ещё и валялась там неизвестно сколько!

Лера отпила из чашки, вдыхая аромат малины, прикрыла глаза.

– Ой, сколько время-то? – Ева посмотрела на дисплей сотового телефона: – Засиделась я у тебя! Мои-то бабы Адамова на кусочки наверно порвали там! Давно папку не выдали, – засмеялась заливисто, набрасывая на плечи шубку.

– А, ну беги-беги, – кивнула Лера. – Привет передавай!

– Ага, передам-передам! А ты тут держись, выкини из головы этого Тамасо! Не такая уж он важная шишка был!

– Да, – остановила подругу Лера, – а как он пропал-то?

– Как пропал? Да пропал и всё. Мы рассвет встречали после выпускного у реки, – ну ты знаешь, тут совсем рядом речка – тогда и пропал, недосчитались его утром.

– И что?

– Что-что? Никто ничего не видел, не слышал – пропал человек, как в воду канул. Ну всё пошла я, завтра увидимся,

поболтаем, пока!

– Пока, – закрыла за подругой дверь Лера, окинула взглядом кухню – как-то всё тоскливо пусто, безупречно одиноко – и принялась мыть посуду.

17

Сырая трава обожгла спину прохладой, что-то прижало сверху, две клешни вцепились в шею – не вздохнуть! «Нет! – пытается крикнуть Лера, но получается только сипеть. – Нет! Мишка! Мишка!»

– Мишка!!!!!! – вскочила задыхаясь – подушка мокрая, одеяло на полу. Огляделась – комната, их с Мишкой комната, за окном тьма – ночь в самом разгаре. Встала – ноги трясутся, голова кружится.

«Нет, надо идти, выпить кофе», – подумала Лера, делая неверные шаги.

Кофе кончился. Лера потрясла пустую баночку и поставила обратно в шкаф.

«Придётся пить чай» – заключила она. Пока закипала вода в чайнике, Лера, подперев щеку, смотрела на маленькую лампочку индикатор, мигающую на плите под выключателем. Этот сон повторялся каждую ночь, и когда Мишка был рядом, Лера прижималась к нему покрепче и снова засыпала, но сегодня видимо придётся обойтись кофе и посиделками на кухне.

Она взяла толстую поваренную книгу и принялась листать глянцевые страницы с красочными фотографиями готовых

яств.

18

Мишка курил, уставившись в небо, будто хотел измерить его глубину на глаз.

Прошло больше недели с тех пор, как он отправил нужные документы в банк. Вчера пришёл ответ – письмо на официальном бланке банка, естественно на английском. Пришлось перерыть весь книжный шкаф в поиске словаря, потратить час, а то и больше на то, чтобы перевести письмо (ох, и намучился же Мишка!), и всё это лишь для того, чтобы узнать, что банк получил его письмо-претензию и рассмотрит этот вопрос на совете директоров. Мишка долго плевался и фыркал, узнав перевод.

Вечером, уже ближе к десяти часам, когда Лера свернулась калачиком под тёплым одеялом, Мишку дёрнуло проверить почту, и не зря: пришло второе письмо из банка, тоже на официальном бланке и тоже на английском. Мишку так и передёрнуло, но пришлось запастись терпением и взяться за словарь.

– Ты чего это решил английский изучать? – промурлыкала Лера за его спиной.

– Да так, надо перевести кое-что, ты иди спать, – оглянулся он.

– Ну-ну, – она обхватила широкие плечи мужа и поцеловала его в темечко, – долго не засиживайся.

– Угу, – он уже шелестел страницами словаря.

Да, повозиться пришлось дольше, чем он думал. Вот, что у него получилось:

«ОФИЦИАЛЬНЫЙ РЕЛИЗ ФОНДА АНКЕТА

После подтверждения вашей заявки, как ближайшим родственникам умерших заказчика, который был передан членам Совета директоров по безопасности и последующим утверждением, рекомендуется отправить нам достоверную информацию, как написано в файле безопасности.

Официальный вопрос, являются следующие:

1 государственный номер последней налоговой оформления квитанции, выданной компании

2 государственный чеке номер последнего вывода, сделанные умершим

3 государства, сколько (ровно), последний вывод сделан покойным и приемники имя на том, что чек (точную информацию, необходимую)

4 указание на дату он умер, и что привело к его смерти?

5 сколько лет было умершего в то время, как он умер?

6 что же покойного оставить на хранение в этом банке?

7 он был проживающих в этой стране? если да государства, его домашний адрес?

8 он женат? Если да, напишите имя его жены?

9 государственный сертификат об инкорпорации, количество покойного господина Лупиков компании и дату его выдачи.

10 он был членом какой-либо организации, зарегистриро-

ванные в этой стране?

Для оплаты вашего наследства средств на ваш банковский счет, пожалуйста, рекомендуется отправить в этот Банк:

1 правильные ответы на прилагаемые вопросы.

2 возвращаемый активации учетной записи / плата за переработку евро 2.050.00 только.

3 реквизиты банковского счета получателя:

имя владельца счета

название банка-получателя

адрес банка

страна

номер счета

swift-код

Отправить счет платы за подключение евро 2.050.00 через money-gram (мг) перевода денег с именем одного из наших бухгалтеров – ниже: (ну тут он переводить не стал – и так было ясно: данные с именем и фамилией того банкира, которому надо перечислить деньги).

Невыполнение этого приведет к дисквалификации вашей заявки на тендер письмо банка,

как только мы подтвердим получение эти запросы, то аккаунт будет повторно активирован для немедленной передачи ваш общий унаследованных средств на ваш банковский счет

мы ожидаем, принятие неотложных мер...»

Такого поворота событий Мишка не ожидал, а следовало бы. Он не спал всю ночь, ворочаясь, и теперь его покой нарушали не только вскрики жены, которой часто теперь снились кошмары, но и мысль: «где достать такую сумму?».

Эта мысль не оставляла его и утром и днём. Ещё вчера он отправил письмо Джеймсу, к которому приложил и письма из банка и с нетерпением ждал ответа.

Джеймс ответил так:

«Уважаемые Михаил мой брат,

Я благодарю вас очень много для отправки мне на вопросы от банка, как я посоветовал вам. Я пошел через мой файл office и выяснили, правильные ответы на вопросы от банка.

Прилагаются ответы на вопросник, переадресованный от банка, направлять их немедленно, также попробовать и отправить им деньги через деньги ГРАММ передачи повторной активации / обработки сборов EURO 2,050, как они просили, чтобы они начинают обработку на применении официально и немедленно передать общий фонд на ваш банковский счет в вашей стране ОК? Помните заполнить ваши банковские реквизиты, как они просили ОК?

Мой дорогой брат, как вы можете видеть, мы движемся вперед, и я был сделан понять, что как только вы отправите эти запрос с повторной активации / обработки платежей в банк, как они просили, они будут быстро обработать Ваше письмо претензии и немедленно передать общий фонд на

ваш счет в вашей стране.

Пожалуйста, пришлите ответы на банк, как я дал вам, не делать любые изменения или изменения, чтобы избежать ошибок и дайте мне знать, как только вы отправите его с банков и услышать от них за лучший мой совет на тот момент в времени ОК?

Бог благословит вас и вашей семьи.

Ваш брат,

Уолкотт».

Облегчения это письмо не принесло. И теперь, глядя в небо, и пуская клубы дыма, будто проснувшийся вулкан, Мишка думал, как достать этот взнос, будь он неладен!

– Здорово, одноклассничек! – широколицый мужичок остановился напротив калитки, улыбаясь во все тридцать два.

– И тебе не хворать, Костяш, – Мишка насторожился.

Широколицый подошёл ближе, хлопнув калиткой, протянул руку для рукопожатия. Мишка схватил сухую мозолистую ладонь.

– Ты, я слышал, сокращаешься, – прищурился мужичок.

– Ну, – Мишка выпустил клуб дыма.

– Ко мне пойдёшь на лесовоз?

– Чего же не пойти, – немного подумав, буркнул Мишка и затушил сигарету.

«Это судьба!» – воскликнул он про себя.

Сам Бог послал Костяша Мишке, этот широколицый му-

жичок был сыном местного предпринимателя, сначала помогал отцу, потом поднатаскался, открыл своё дело. Вот у кого можно занять!

– Ну и хорошо! Ну и хорошо! – Костяш похлопал Мишку по плечу. – А чё мина такая кислая?

– Да тут такое дело, поговорить надо...

– Ну, чего ж не поговорить.

– Ты проходи, посидим, чаю попьем, – засуетился Мишка.

– А покрепче чего есть?

– Есть-есть, найдём!

19

Лера с трудом оторвала голову от стола – так её вымотали ночные кошмары.

– Э, подруга, – Ева бухнулась напротив неё на шаткий стул, – тебя что, ночи любви так?

– Если бы, – выдохнула Лера, – неделю кошмары мучают.

– А?

– Один и тот же сон снится, я уже спать боюсь, – просто-на-просто она. – Знаешь, трава сырая такая, потом руки, пальцы в шею впиваются, так, что дышать не могу, зову Мишку, а его нет...

– Э-э, ну ты здорово живёшь! Ты видно забила себе голову этими страстями, вот теперь и мучаешься! Сколько раз тебе говорила – забудь!

– Ай, – отмахнулась Лера. – Кстати, какой сегодня день?

– Пятница.

– Пятница, а он не приходил.

– Кто?

– Ну, Анастас, учитель.

– Слушай, а ты позвони ему!

– Как? У меня его телефона нет.

– У меня есть, я летом в школе секретарём подрабатывала, так что все их телефончики знаю, – Ева распахнула сумочку, достала сотовый телефон. – Та-а-ак, Анастаска, вот он, давай записывай.

Лера аккуратно записала номер учителя на плотную корочку старого формуляра.

– Вот, теперь он от тебя никуда не скроется! – улыбнулась Ева. – Чё сидишь-то? Звони ему!

– А?

– Ну, звони-звони! Заодно и узнаешь, где твоя тетрадь!

Лера взяла служебный телефон, набрала номер учителя, застыла с трубкой у уха. Длинные гудки сменились короткими.

– Не взял, скинул, – констатировала факт Лера.

– Ну и хвиг с ним, – махнула рукой Ева, – рабочий день ещё не кончился, глядишь и явится.

Лера кивнула, отложив трубку.

Учитель не явился, мало ли какие у него могли быть дела, да и почему он должен был отчитываться перед Лерой. Но уж очень ей хотелось узнать о пресловутой тетради, и перед самым концом рабочего дня девушка набрала его номер на

своём сотовом телефоне.

– Да, – безразличный тон кольнул холодком под самой ложечкой.

– Э-э, Анастас Александрович, здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Э-это Лера-м, Валерия Никитична, из библиотеки вас беспокоит.

– М...

– Вы, вы тетрадь у себя не находили случайно? Такую жёлтую, вы ещё её...

– Нет, случайно не находил.

– Значит-м, вы её по ошибке не уносили с собой?

– Значит, нет.

– Понятно-м, а я найти её не могу, думала у вас...

– Не у меня.

– Ну ладно, извините за беспокойство, вы просто не пришли сегодня и я, – тут Лера поймала себя на мысли, что хорошо бы уже закончить разговор, разве ему интересно, что она там что-то не может найти, да и про то, что его сегодня не было в библиотеке, он и сам знает. – Извините.

– Не беспокойтесь, – кольнул он холодком и повесил трубку.

Лера ещё немного постояла с трубкой у уха – тишина – и правда, разговор окончен. Да и что за разговор? Игра в одни ворота! Вздохнула Лера и принялась собираться домой.

Мишка задорно гремел посудой в раковине.

– Привет!!! – крикнул он жене, оглянувшись.

– Привет, – она внимательно рассмотрела его покрасневшее лицо. – Пил?

– Пил-пил, – закивал он. – Сегодня такой день, как не выпить!

– Какой день? – она села на табурет.

– Костяш на работу зовёт!

– А, ну это действительно хорошая новость.

– Ну, а я о чём! – он уже вытирал руки вафельным полотенцем. – Дождусь сокращения, и айда к нему! – захохотал громко раскатисто, запрокинув голову.

Лера улыбнулась.

– Жена, а жена, – посмотрел он на неё с прищуром, – может, составишь мужу компанию – выпьешь пару капель?

– Ну если только пару.

– Вот и хорошо, а под картошечку варёную да селёдочку, глядишь, и ещё пару выпьем! – он принялся ставить на стол тарелки и блюда.

– Да ты у меня настоящий хозяин – с голоду без меня не помрёшь, – улыбнулась Лера, наблюдая за мужем.

Наконец накрыв стол, Мишка сел напротив жены и уставился на неё маслянистыми глазками. Та принялась за ужин, отложив себе пару картофелин и кусочек селёдки.

– И лучка, лучка возьми! – подкинул он ей несколько колечек ароматного лука.

– А обещанные капельки? – приподняла она бровь.

– А! – он бросился к холодильнику, достал бутылку без этикетки, налил ей и себе в пузатые рюмки огненного зелья, сел: – Ну, за нас!

– За нас!

Чокнулись, выпили, выдохнули.

– Хорошо, – крякнул Мишка, закусывая луком и картошкой.

– М, – кивнула Лера, впившись зубами в жирный хребет сельди.

– Теперь жизнь у нас пойдёт! – шумно вздохнул Мишка и принялся рисовать перспективы их будущего житья-бытья.

Лера слушала, кивала, улыбалась, а в голове всё вертелась старая народная песня: «Я была у ма-а-аменьки доченька одна-а-а, не-е-е дождавшись ра-а-азума замуж отдана-а-а...»

Печальная такая песня и чего она вспомнилась. Лера пела её, когда было грустно, а сейчас-то вроде всё в порядке. Она смотрела на мужа: тот что-то возбуждённо рассказывал (слова уже не достигали её сознания), жестикулировал, хохотал, смотрел на неё тепло так, ласково, может, звал по имени, как раньше – Лерочка. Всё это провалилось куда-то, исчезло, смылось, заплыло чёрной ваксой. Опять холодная мокрая трава и руки. Пальцы сжали шею, вдавили в землю.

«Мишка!!!»

И это заплыло черной ваксой, осталось дыхание частое, хриплое, где-то под ней, под Лерой и шёпот: «Что же ты на-

делал! Что же я наделал!»). Её несут, но куда – она не видит, только слышит, немного чувствует. Всё тело будто вата смоченная водой – невозможно пошевелиться. Спасибо, что дышать немного легче. Нет, снова тяжело – сверху давит что-то влажное холодное! Все тяжелее и тяжелее! Что-то хрустнуло внутри – боль!

«Мишка!!!»

Рот не открывается!

«Мишка!!! Мишка!!! Мишка!!!»

– Мишка!!! – она сидит за столом – Мишка напротив.

– Что? Что случилось?! – засуетился он.

– Нет, так, пустяк, – махнула рукой Лера, прислушиваясь к себе: что это было сон или видение? Наверно во всём виновата водка – сто лет не пила и не надо было начинать!

21

Лера очнулась, почувствовав прикосновение колючего морозного воздуха, проникающего сквозь пижаму. Огляделась: парк, тот самый парк, на который выходили окна библиотеки! Она стояла в одной пижаме и домашних тапочках под берёзой прямо перед библиотекой, перед тем самым окном, из которого она наблюдала за странным человеком.

«Что я здесь делаю посреди ночи!» – запаниковала Лера, отстранившись от берёзы, выпрыгнув из сугроба на дорогу. Тапочки заскользили по подмёрзшей за ночь колее – девушка неожиданно качнулась вперёд и едва не достала земли ладонями. Выпрямилась. Оглянулась. Что это? Кто-то стоит в

тени под берёзой смотрит на неё. Силуэт явно отличается от фигуры странного человека, да и этот, похоже, живой – Лера смогла разглядеть парок – незнакомец судорожно глотал воздух.

– Кто здесь? – полушёпотом спросила Лера.

Вместо того чтобы отвечать, незнакомец вздрогнул и пустился наутёк, то и дело, поскользываясь и спотыкаясь. Лера, тем не менее, успела уловить что-то очень знакомое, нервное и в силуэте и в походке его.

Проводив взглядом беглеца, Лера опустила взгляд долу – что-то чернело в снегу.

«Его перчатка!» – мелькнуло в голове. Она ринулась туда. Да, это была перчатка, его перчатка. Незнакомец оказался очень даже знаком.

«Анастас, учитель», – прошептала Лера, и тело её забила частая дрожь. Не помня себя, сжав в кулаке перчатку, девушка отправилась домой, неверным пружинящим шагом.

22

Лера положила перчатку на стол перед собой. Мягкая кожа покорно приняла форму руки хозяина, чем того и выдала. Да, Лера отлично помнила эти руки: тонкие пальцы не раз барабанили у неё под носом по крышке стола, призывая к вниманию. Сомнений быть не могло – это Анастас. Но что он там делал ночью именно под этой берёзой? Стоп, а что делала там она? Как она туда попала? Лунатизм? Лера пожала плечами. Она никогда не страдала лунатизмом. Но как объ-

яснить её появление в парке в пижаме и тапочках? Значит, всё-таки она пришла туда в состоянии сна. Лера вздохнула, взяла перчатку за указательный палец, подняла и принялась раскачивать ею перед глазами...

– Анастас Александрович, я бы хотел, чтобы вы взглянули

– это мой новый рассказ.

– Хороший, как и всегда? – испытующе посмотрел на ученика.

– Ну как сказать, – Эрик смутился.

– Да брось, Эрик, я же тебе говорил – ты пишешь хорошо, тебе дорога в литературу. Вот только, этот псевдоним...

– Он вам не нравится?

– Это же прозвище.

– Да, а мне казалось так лучше...

Тонкие пальцы скользнули по мелованной обложке:

– Завтра двадцать восьмое марта – твой день рождения?

– Да, а откуда вы...

– Что ты любишь?

– Я, – Эрик прикрыл пунцовую щёку ладонью, коснулся волос кончиками пальцев, посмотрел в сторону: – клубнику...

Бледные губы учителя дрогнули, уголки поползли вверх.

– Эй, Тамасо! – крикнул кто-то. – Тамас-с-со! Идём, урок начинается!

– Я пошёл, – бросил виноватый взгляд на учителя, тот уже не улыбался.

– Да, иди, – отвернулся к окну...

Всё это мелькало перед глазами Леры, как кадры из кинофильма. Она будто спала и видела сон наяву.

– С днём рождения, – мягкий голос учителя, небольшая корзинка полная спелой крупной клубники, удивлённое восклицание Эрика и запах одуряющий запах ягоды, который он вдохнул, склонившись над ней. Потом вкус нежный медленно тающий на языке, то сладкий, то с кислинкой. Всё это чувствовала Лера, будто сама ела эти ягоды вот сейчас сию минуту.

Внезапно сладость сменилась горечью, тленом, будто горсть земли попала в рот и не вздохнуть!

– Ах! – Лера отбросила перчатку закашлявшись. Поднялась, налила себе стакан воды, сделала большой глоток, подошла к окну и застыла. Там, под той самой берёзой, стояла маленькая корзинка с крупной садовой клубникой!

– Ах! – Лера прикрыла рот рукой, подбежала к столу, заглянула в календарь: – Двадцать восьмое марта!

23

«Здравствуйте, Барристер Уолкотт!

Сделал всё как надо. Жду результата.

С уважением, Михаил».

«Уважаемые Михаил мой брат,

Спасибо так много для вашей почты и для вашей информации.

Не беспокойтесь о деньгах, вы будете тратить довольно вы должны быть счастливы, что мы станем богатыми, немедленно, как только учетная запись активируется банком.

Я уже доказали Ваше родство с моего покойного клиента и это все, что мы должны сделать теперь для того, чтобы получить наш фонд.

Прилагается сертификат Аффидевит о претензии, который я закупил от высокого суда правосудия, здесь в Мадриде вчера. Этот сертификат является то, что я использовал для доказать родство с моего покойного клиента и я должен подтвердить Вам, что банк является полностью убежден, что ты правовой бенефициаром в Фонд.

Не стесняйтесь, дайте мне знать, как только вы слышите от банка, так что я буду давать вам лучшее из моих консультировать в этот конкретный момент времени.

Пусть Бог благословит вас.

Всего хорошего

Барристер Уолкотт».

Мишка разглядывал красочный сертификат – красочный от обильного количества печатей, штампов и подписей. Переводить было лень, да и так всё было понятно – он, Мишка, наследник и ему причитается семь миллионов пятьсот тысяч евро. Мишка оторвался от монитора и посмотрел в самый тёмный угол кухоньки:

– Семь миллионов евро, это сколько же в рублях, – прошептал он одними губами, боясь разбудить жену.

Конечно, нужно будет и адвокату этому сколько-нибудь отвалить за труды, но и того, что останется, Мишке хватит до конца дней.

– Да... – Мишка завёл руки за голову и слегка откинулся назад, прикрыв глаза. – Да... – повторил он, рисуя в уме картинки безбедной жизни. Представляя как купит, наконец, дом, да что там дом – квартиру где-нибудь подальше от этой «дыры»! Машину, да получше, чем у Адамова! А Лерочку так оденет – ни в чём ей отказа не будет! А дети, их будущие дети, пойдут в лучшие детские сады, школы, секции!..

За его спиной скрипнула половица. Мишка вздрогнул, оглянулся – Лера стояла и смотрела большими невидящими глазами прямо на него.

– Лера, – голос застрял где-то в горле, – ты чего, а?

Жена молча сделала ещё два шага и протянула к нему руки.

Мурашки побежали по спине Мишки, так поразил его этот жест.

– Мишка... – позвала она, и он вздрогнул, приподнявшись с табурета не узнав голос жены. Низкий, грудной – он скорее был похож на голос мужчины или парня. Парня... Крупные капли пота выступили на лбу Мишки, когда Лера позвала его снова.

– Тамасо... – прошептал он, чувствуя, между тем, как волосы на его голове встают дыбом.

– Мишка, – Лера всё ещё ждала его объятий.

– Тамасо, – Мишка подошёл ближе, с тревогой глядя в лицо жены, освещённое неверным светом монитора, та стояла неподвижно всё в той же позе глядя перед собой большими глазами.

– Мишка! – воскликнула внезапно она так громко, что Мишка присел на корточки. Сколько боли было в этом крике, сколько беспомощности!

– Тамасо, – Мишка, не помня себя, бросился к ней и заключил её в объятьях. – Друг, друг, – шептал он, дрожащими руками касаясь волос жены, та медленно обняла его, и тело её обмякло.

24

Неловкое молчание нависло над супругами как грозовая туча. Мишка искоса поглядывал на жену, желая и боясь спросить, что было с ней вчера ночью.

Леру несколько смущало поведение Мишки: его нарочито вежливое обращение с ней, повышенное внимание. Она гадала и никак не могла объяснить себе причину такой перемены в муже.

Каждый замер, склонившись над своей кружкой, думая, усиленно подбирая слова, которые должны были разорвать сгусток молчания, давно уже постылого обоим.

– Ты сегодня дома? – спросила, наконец, Лера, постукивая ложечкой.

– Да, выходной, – как можно развязнее отвечал Мишка.

– Воскресенье, – кивнула она.

– Ты...

– Я?..

– Пойду дров наколю, что ли, – Мишка поднялся.

– Я... хочешь пирогов с капустой? – Лера брякнула ложечкой.

– Да-да, – кивнул он, уже выходя.

Разговора не получилось – каждый остался при своём. Мишка зашёл за угол дома, огляделся, закурил. Впервые спустя десять лет он вспомнил, явственно вспомнил ту ночь, ночь перед рассветом новой взрослой жизни, который собрал их, выпускников, на берегу реки. Пили много, кричали громко, целовались взасос, пели под гитару у костра, танцевали. И он был там, Тамасо. Да был, тоже весёлый, раскрасневшийся от шампанского (он любил шампанское) и от всеобщего веселья. Он сидел рядом с Мишкой и громко смеялся над шутками, которые прежде не вызывали у него даже подобие улыбки – Эрик терпеть не мог сальных анекдотов. А в ту ночь (Мишка хорошо помнит это) он сам пытался шутить и был очень болтлив, что на него совсем не похоже.

– Эй, Тамасо, Тамасо! Расскажи ещё что-нибудь! – дразнили его, и он многозначительно прикрыв глаза и таинственно улыбаясь, принимался за рассказ о чём-нибудь только что придуманном им самим. Потом, когда интерес к нему поутих, принялись петь. Тамасо подпевал громко невпопад, то и дело, посмеиваясь и улыбаясь Мишке во весь рот, чувствуя, что фальшивит.

Мишка не помнит, как потерял его из виду, Ева ли была тому причиной, или ещё кто – так или иначе, Тамасо исчез. И теперь, спустя столько лет Мишка почувствовал вину, да, вину, хотя в чём она была, не понимал, не знал. Может в том, что не услышал зова друга? Оставил его одного у костра? Так легко забыл о нём? Прошедшая ночь жестоко напомнила Мишке всё в лице жены. Этот голос, крик отчаяния, неужели Тамасо и правда звал его в свой последний час? Хотя кто сказал, что друг мёртв? Родители вон его до сих пор не верят в это, всё ждут. Ждут... а он, Мишка, забыл...

Щёлкнул шпингалет, отворилась форточка кухонного окна, запахло пирогами.

А если Лера действительно ничего не помнит. Что же это было? Что?

– Опять куришь.

Мишка вздрогнул, оглянулся. Лера, улыбаясь, подступила к нему.

Одной рукой она обвила шею мужа, другою отвела его руку с сигаретой за спину и крепко поцеловала в губы. Отстранилась. Присела на краешек пня, из которого торчал топор.

– Мне опять снился тот сон.

– Который? – Мишка почувствовал, что близок к разгадке.

– Ну тот, помнишь, я тебе его рассказывала?

Мишка всегда слушал сны, которые рассказывала ему Ле-

ра, невнимательно и даже тот, мучивший её каждую ночь, пропустил мимо ушей. Но сейчас его живо интересовало всё, что было связано с прошедшей ночью, поэтому он попросил Леру рассказать подробнее о том, что ей приснилось.

– Чьи-то руки клешнями вцепились в моё горло, кто-то повалил меня на землю, я задыхалась, звала тебя, – Лера захлёбывалась воздухом, румянец покрывал её щёки, руки, беспрестанно жестикулирующие, дрожали: видно было, что этот сон волнует и пугает её даже сейчас. – Потом какой-то человек нёс меня куда-то на своей спине, а может и зверь, нет, человек, потому что он говорил...

– Что говорил?

– Ну, вроде того: «Что же я наделал? Что же ты наделал?». Но я не могу ответить и шевелиться не могу, думаю, я почти мертва. Потом земля, земля, земля... зову тебя... – она захлебнулась, часто дыша, всхлипнула и замолчала.

Мишка присел перед ней на корточки, схватил её ладони, поднёс к губам.

– Не надо, не думай об этом, – шептал он.

– Я кричала во сне, да?

– Нет, нет.

– Ходила?

– Нет.

– Но я помню, как ты обнял меня...

– Может быть, наверное, я не помню, – Мишка спрятал лицо в её ладонях. Он не знал, как объяснить то, что проис-

ходило с ними, не знал чем помочь жене. Впервые он чувствовал себя беспомощным ребёнком.

– Хоз-з-зя-а-айка-а-а! Хоз-з-я-а-айка-а-а! – стукнула калитка.

Мишка вздрогнул, вскочил и зашёл за спину Леры, отвернувшись от ожидаемого гостя.

– А! Вот ты где! – Ева улыбалась, размахивая узким конвертом. – А я письмо принесла. Ящик-то видать со среды не проверяли. О, Миша, привет, – заметила она Мишку, тот кивнул ей, едва обернувшись. – Э, да я вам помешала, поди?!

– Нет, нет, всё нормально, – засуетилась Лера. – Ты пирожки будешь?

– Буду, чего ж не поесть, если угощают, – засмеялась Ева, протянула конверт Мишке: – Миш, это тебе, письмо-то возьми что ли?

– Угу, – буркнул тот, забирая письмо, невольно обратив внимание на ухоженные ноготки Евы.

– Ладно, Миша, ты читай и приходи к нам чай пить, – Лера видела нетерпение мужа остаться наедине с посланием. – Идём, Ева, идём.

– Да, да, приходи к нам обязательно – я страсть как хочу узнать, кто и что тебе написал! – захихикала Ева, поднимаясь на крыльцо.

25

– Ну, не дождусь я видно твоего-то, – сказала Ева, когда третья кружка чая была выпита за пустой болтовнёй. – Лад-

но, сама мне потом расскажешь, что за письмо, – она поднялась и добавила усмехнувшись: – Если позволит.

– Не понимаю, что у тебя за интерес такой? – возмутилась Лера, ей не понравился тон подруги.

– Да так, видно, что официальное – хотелось узнать, что да как. Мы ведь подруги.

– Мы-то подруги, а вот мужние дела, думаю, тебя мало касаются.

– Ну-ну, – кивнула лукаво Ева, застёгивая шубку. – Пошла я что ли.

– Я провожу, – Лера накинула пуховик и подруги вышли во двор, спустились с крыльца, не говоря друг другу ни слова.

– Ну, пока, – оглянулась у калитки Ева, всё ещё лукаво улыбаясь. – Спасибо за пироги.

– Давай, до встречи, – кивнула Лера не глядя на подругу, её немного раздражала эта странная улыбка на губах Евы.

Закрыв калитку, немного помедлив, Лера пошла искать мужа и застала его на том месте, где и оставила час назад. Мишка ходил, взад-вперёд останавливаясь только за тем, чтобы бросить окурок и закурить новую сигарету. Лераглянула ему под ноги и насчитала двенадцать штук окурков.

– Миш, – прошептала она в ужасе. – Миш, ты чего?

Он, казалось, совсем её не слышал – продолжал дымить как паровоз и мерить шагами узкое пространство.

«Письмо!» – вспомнила Лера и принялась искать его

взглядом. Оно лежало на том самом пне, где час назад сидела девушка. Лера проворно проскользнула мимо мужа, завладела письмом и принялась читать. Сначала строчки прыгали перед глазами, и смысл их был неясен, потом дыхание Леры стало ровнее, шрифт письма – чётче.

– Они благодарят тебя за... – она удивлённо уставилась на мужа, расслышав только: «Идиот, какой же я идиот!».

– Почему? Ты же спас его.

– Я?! – Мишка внезапно остановился, повернувшись к ней лицом. Боже, что это было за лицо! Лера вздрогнула. Разбейся Икар – у него не было бы такого страшного лица как это!

– Я?! – повторил он. – Да чёрта с два, я!!!

– Но они благодарят тебя...

– Я не знаю, кто это такие! – он грубо выругался, растоптав дымящийся окурок.

– Но здесь написано, что ты перевёл этой семье деньги на операцию сыну, которая завершилась успешно. Ты совершил благородный поступок. Видишь, – она старалась говорить как можно спокойнее, – я не спрашиваю у тебя о деньгах, откуда они. Не стоит так переживать, ты же знаешь, я до денег не жадная.

– Не жадная, – буркнул он, – она не жадная, – тихо-тихо захихикал снова закуривая. – Да если бы у меня и были деньги, я бы этого никогда не сделал! Это всё он!

– Он? Кто он?

– Барристер! Барристер Уолкотт! Чёрт бы его побрал!

– Что за Барри?.. – Лера с ужасом воззрилась на мужа.

– Уолкотт, Уолкотт! Ну, погоди! Ну, погоди! – он снова

выругался, затушив окурок, и бросился в дом. – Сейчас! Где он?!

Лера, дрожа и спотыкаясь, последовала за ним.

Мишка схватил телефон, сел на табурет так резко и внезапно, что тот едва не развалился, пронзительно заскрипел; рывком открыл ноутбук и принялся искать первое электронное письмо Уолкотта беспрестанно ругая последнего самыми грязными выражениями. Лера стояла в уголке, боясь подойти ближе, и с беспокойством наблюдала за мужем, теребя злополучное письмо.

– Где же этот чёртов телефон?! Где?! А! – Мишка, наконец, нашёл нужный номер. – Ну, держись... – ругательства с новой силой посыпались на голову несчастного Барристера, однако молчание, следовавшее за ними, было куда злое.

На том конце послышалось холодное и безразличное «Да». Мишка вздрогнул.

– Вас не слышно, – продолжал веять холодком голос. – Алло.

Мишка проглотил душивший его ком и просипел:

– С кем я говорю?

– Вы, – на том конце усмехнулись. – Я, Анастас Александрович. А вы, позвольте узнать, кто?

Мороз пробежал по спине Мишки, судорога сжала его связки так, что он не мог произнести ни звука и лишь безмолвно размыкал губы, как рыба, выброшенная на берег.

Адресат немного подождал и повесил трубку. Мишка явно слышал короткие гудки, они, пробивая его висок, заставляли вздрагивать с каждым ударом.

26

Хлопнула дверь. Послышались тяжёлые шаги. За спиной Анастаса что-то щёлкнуло. Учитель медленно, не вставая, развернул кресло навстречу незваным гостям. Увидев Мишку с ружьём наготове, он не переменялся в лице, только уголки губ его дрогнули и поползли вверх.

– Все виновные будут наказаны, – пропел он.

Лера вздрогнула – этот голос она слышала в видении, когда Анастас угощал клубникой Эрика, только с ним учитель говорил таким голосом мягким и нежным как персиковый сироп.

– Что?! – зашипел Мишка. – Что?! Я не слышу вас, мистер Уолкотт! – ствол ружья угрожающе толкнул грудь учителя. Тот продолжал таинственно улыбаться, буравя Мишку холодным взглядом.

Лера, следовавшая за мужем как тень от самого дома и вжавшаяся теперь в стену, вскрикнула. Оба взора обратились в её сторону: один – холодный и безразличный, другой – негодующий и удивлённый.

– Лера? – ствол дрогнул.

– Миша, скажи, ради Бога, скажи, что сделал тебе этот человек? – взмолилась девушка дрожащим голосом. – Что он такого сделал, что ты хочешь его убить?

– Он... он, – Мишка пытался подобрать слова, но как долгою историю выразить в двух фразах, чтобы она поняла всю его боль? Нет, это не возможно. Это нужно прожить, чтобы понять. Да и не тот момент сейчас. – Уходи, – рыкнул он, наконец.

– Нет, – тихо, но твёрдо сказала она. – Я не хочу, чтобы мой муж стал убийцей. Виновен он или нет – решать не тебе. Не тебе выносить смертный приговор.

– Конечно не ему, – подтвердил молчавший до сих пор учитель, муж и жена вопросительно взглянули на него. – Не ему, а вам, – кивнул он Лере, – если вы, конечно, изволите выслушать.

– Да, да, я готова, – закивала поражённая Лера.

– Ну что ж, – голос учителя снова резал холодком вены, пытая сердца слушателей. – Вы, – обратился он к Мишке, измерив его презрительным взглядом, – будьте так любезны, уберите оружие и сядьте сюда, – указал на стул у стены. – А вы, милочка, займите шезлонг.

Изумлённые гости повиновались, будто их подвергли гипнозу.

– Ну-с, – развёл руками Анастас, когда все заняли свои места, – с кого начнём?

Только теперь Лера заметила в его руках потерянную ею

тетрадь – она желтела беспощадно мелованной обложкой.

– Это она, – невольно сорвалось с губ девушки. – Это его тетрадь!

– Да, – кивнул учитель, – его, – и в голосе послышались густые тёплые нотки. – Он собрал сегодня нас здесь. Он хочет правды, хочет покоя. И я дам его ему.

– Тамасо... – прошептал Мишка.

– Нет, – с презрением оборвал его Анастас. – Нет! Эрик, Эрик! Забудьте это жалкое прозвище! – замолчал, приводя дыхание в порядок.

Мишка и Лера терпеливо ждали.

– Как вам мой план с наследством? – учитель поднёс тетрадь к губам. – Хорошая получилась шутка, а, Михаил, мой брат?

Мишка вспыхнул и посмотрел в глаза, эти холодные змеиные глаза, учителя:

– Ненавижу...

– Взаимно. Но заметь, ты сделал доброе дело благодаря мне. Теперь в долгах как в шелках! Разбит, уничтожен! Моя маленькая месть удалась!

– Мечь? – Лера не спускала с учителя глаз, тот ликовал, покрывшись пунцовым румянцем.

– Мечь, мечь, маленькая мечь, – он потерял самообладание, откинувшись на спинку кресла и громко рассмеявшись, потом пришёл в себя, поднёс тетрадь к губам. – Даже когда он умирал, твоё имя не сходило с его уст. Он звал тебя

шёпотом, – учитель воззрился на Мишку, – хрипя, задыхаясь, звал. И там под землёй (я слышал) он всё ещё зовёт тебя.

Мишка задрожал, вспомнив странную ночь. И только Лера, не теряя светлого разума спросила:

– Вы были при его смерти?

– Я убил его.

Это признание, сказанное спокойным безразличным тоном, резануло больнее ножа. Лера вжалась в шезлонг. Мишка вскочил со стула, тот упал, громко брякнув.

– Ты! Убил! – зашипел Мишка, снова подступая к учителю.

– Вы обещали слушать, – холодно возразил тот. – Сядьте на место. У вас будет время сказать своё слово.

Мишка вернулся, рывком поднял стул, поставил его и сел, пытаясь подавить гнев душивший его.

– Но за что? За что? – шептала Лера.

– Я впустил его в своё сердце, он укоренился там, разросся, зацвёл, потеснив меня так, что самого меня со временем не осталось, – учитель говорил медленно, не отнимая тетради от бледных тонких губ. – Меня раздражали все, кто с ним общался. Я их ненавидел. Они дали ему это глупое прозвище. Они не смели так его называть! – остановился отдышаться, краска, подступившая было к лицу, мгновенно отлила, оставив щёки без единой кровинки. – Они не стоили и волоса на его голове. Он был прекрасен, чист и наивен, – голос учителя стал смягчаться и принял консистенцию персиково-

го сирота. – Он был целой вселенной, моей вселенной, которую хотелось скрыть ото всех, сжав в ладонях, и наслаждаться её мирами в одиночестве. Я хотел, действительно хотел, чтобы он был счастлив.

– Вы убили его, – напомнила Лера дрожащим голосом.

– Убил? Нет, нет, я спас его. Спрятал от грязи и пошлости. Там! Там! – он махнул рукой, оторвав на мгновение тетрадь от губ, и Лера заметила судорогу искривившую их. – Я нёс его туда долго, через весь лес, нёс на себе его хрипящего, зовущего тебя, – он взглянул на Мишку, – и рыдал, рыдал, потому что он был почти мёртв, и назад не было пути. Там под берёзой...

– Берёзой... – шёпотом повторила Лера.

– Там под берёзой он уже не хрипел...

– Вы убили его...

– Убил? Нет, нет. Я хотел поговорить с ним о своих чувствах, о нём, там, у реки, я пришёл, дождался, когда он уединится и... – учитель крепче прижал тетрадь к губам, – он рассмеялся мне в лицо и я... – судорога снова свела губы. – Я очнулся, когда он захрипел твоё имя, – кивнул в сторону Мишки, – мои руки крепко вдавили его шею в землю, когда я отстранился, он не мог двигаться и только сипел... сипел твоё имя! Даже умирая, он звал тебя, своего друга! Тебя! Ты как вор пробрался в мою вселенную и разгуливал там, топча своими грязными ногами всё, что было дорого мне! – краска снова прилила к лицу учителя, он впился уничтожающим

взглядом в лицо Мишки и не выпускал его ни на секунду. – Десять лет я ждал удобного случая, десять лет я готовился к мести. И вот, время пришло – пьеса сыграна! Ты – уничтожен. Я – отомщён. Каково быть поверженным, а? Каково потерять в миг то, что жаждал всею душою? Каково осознавать, что то, что ты считал уже своим и неделимым, ускользнуло от тебя как песок сквозь пальцы?

Мишка поднялся. Он едва сдерживался, чтобы не взорваться – дыхание его прерывалось, лицо покрывал гневный румянец:

– Ты убил моего друга. Ты издевался надо мной. Я мог бы тебя убить за всё это, но, – он глянул на Леру, – скажи спасибо моей жене, не сделаю этого. И ещё, – Мишка подошёл ближе и заглянул в ядовитые глаза учителя, – не думай, что всё это пройдёт тебе даром, – зло заиграв желваками, Мишка развернулся, взял ружьё и направился к выходу.

Лера последовала за ним, дрожа всем телом, однако зов учителя заставил её оглянуться.

– Я видел его, тогда в окно под берёзой, видел, – сказал ей Анастас слабым голосом. – Он сильно мучает вас? Я знаю, сильно. Он здесь, он внутри вас. Верните его родителям, прошу. Там под берёзой... он там под берёзой. Найдите его и обретёте покой.

Лера не найдя слов кивнула, её пробирала дрожь и хотелось поскорее оказаться на воздухе. Но учитель снова окликнул её.

– Помолитесь... помолитесь за нас... у вас... у вас это получится... получится... свечи... свечи не забудьте...

Лера выскользнула вон.

Рука учителя, державшая тетрадь свесилась с подлокотника кресла, губы дрожали и кривились в судорогах, чёрная кошка, подбежавшая было к хозяину, забилась под шезлонг, испугавшись то ли хрипа, то ли шлепка упавшей на пол тетради.

В маленькой церквушке пахло ладаном. Слышны были всхлипы, шёпот и пение. Пел небольшой хор, состоящий из матушки и трёх её дочерей. Священник служил панихиду. Отпевали Эрика. У закрытого гроба, обшитого красным сукном, стояли, поддерживая друг друга, старик и старушка – родители Эрика – совершенно седые, раздавленные горем и всё же торжественно спокойные. Немного поодаль, отвернувшись и вытирая лицо платком, плакала Ева. Мишка глядел в пол, часто шмыгая носом. Лера стояла рядом и тихонько вторила хору, глядя на икону Казанской Божьей матери. Она верила, что прошлые страхи исчезнут навсегда и всё вернётся на круги своя, и заживут они лучше прежнего, ведь вчера, а может и раньше, да, немного раньше, она почувствовала, поняла, что уже не одна, что где-то там, под сердцем зарождается новая жизнь – самая драгоценная, самая желанная!